

Квотативные и цитативные формы в северных селькупских говорах: от исконных к заимствованным

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
urmana@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются представленные в северных селькупских говорах частицы, использующиеся для маркирования «чужой речи». Они имеют цитативную (говорящий пересказывает чужую реплику либо формулирует реплику для передачи третьему лицу) и квотативную (автор текста маркирует, что данный фрагмент текста представляет собой чью-либо речь) функции. Показано, что семантика этих частиц активно взаимодействует с семантикой эвиденциальных форм, которые можно назвать семантическим стержнем селькупской глагольной системы. В статье описано значение этих селькупских частиц, а также их семантическая эволюция.

Ключевые слова: дискурсивные частицы, селькупский, хантыйский, русский, нганасанский, языковые контакты, эвиденциальность, цитация, квотатив.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России» № 17-29-09097.

Citation and quotation markers in Northern Selkup idioms: From native to borrowed ones

A. Yu. Urmanchieva

RAS Institute for Linguistic Studies, (St. Petersburg, Russia); urmana@yandex.ru

Abstract. The article discusses four discourse particles found in the Northern Selkup dialects. The Selkup particles mark the so-called “reported speech” and thus

have two different functions: the function of citation (the speaker retells someone else's words or formulates his/her own utterance to be transmitted by the hearer to a third party), and the function of quotation (the author of the text marks a text fragment as representing a reported speech). It is shown that the semantics of these particles actively interact with the semantics of evidential forms (evidentiality constitutes the semantic core of the Selkup verbal system). The article describes the functions of these Selkup particles and their semantic evolution.

In addition, these particles, quite expectedly for discursive markers, represent an extremely interesting material in view of the various contact situations the Northern Selkup idioms took part in. I describe the *mol* particle, a Russian loan embedded in the system of these particles. This borrowing is an example of the classical grammaticalization cycle where the grammatical means are "updated" through substitution of original markers by borrowed ones. The very existence of the original Selkup system of "reported speech"-particles can be regarded as a "catalyst" for the borrowing of *mol*, and specific functions of the native particles contributed to the semantic change the borrowed particle *mol* underwent in Selkup. This case of a contact-induced change in the original system of "reported speech"-particles is compared with two other similar cases in the same semantic domain. The first is the semantics of the Selkup particle *myta*, seemingly, a Khanty borrowing. The second is evidence from Nganasan where citation forms were developed on the basis of evidential forms. Though unique against the other Northern Samoyedic languages, Nganasan citation forms demonstrate striking functional similarities with Northern Selkup forms, which also may represent a trace of (historically unattested) language contacts. Moreover, the case of Selkup-Nganasan linguistic interaction may also reveal reverse structural and material borrowing from Selkup to Nganasan. A comparison of these three contact situations (Selkup-Russian, Selkup-Khanty, and Selkup-Nganasan) contributes to the typology of language interaction mechanisms: the article discusses various semantic outcomes of linguistic elements borrowing in contact situations with different sociolinguistic characteristics.

Keywords: discourse particles, Selkup language, Khanty language, Russian language, Nganasan language, language contacts, evidentiality, citation, quotative.

1. Введение

В статье описаны формы, служащие для передачи чужой речи в северных селькупских говорах. Помимо описания функционирования форм, передающих кватативное и цитативное значение, особое

внимание уделяется вопросу контактно обусловленных изменений в сфере маркирования чужой речи. С этой точки зрения рассматриваются контакты селькупского с русским, хантыйским и нганасанским. Статья имеет следующую структуру. Во *Введении* (первый раздел статьи) приводятся необходимые сведения о диалектном членении селькупского языка, описываются материалы, использованные в работе, даются определения основных понятий (квотатива, цитатива, репортатива). Поскольку частицы, служащие для маркирования чужой речи, в некоторых своих употреблениях дублируют или уточняют употребления глагольных форм косвенной эвиденциальности, во *Введении* вкратце описывается эвиденциальная система, представленная в северных говорах селькупского. Следующие разделы посвящены последовательному рассмотрению частиц, употребляющихся для маркирования чужой речи: *monty* (Раздел 2), *myta* (Раздел 3), *totpa* (Раздел 4) и *tol* (Раздел 5). В *Разделе 6* описана семантическая эволюция рассмотренных частиц селькупского языка. В *Разделе 7* описываются цитативные формы нганасанского языка; наконец, в *Разделе 8* обсуждаются, как языковые контакты отражаются в сфере маркирования чужой речи в ситуациях селькупско-хантыйского, селькупско-русского и селькупско-нганасанского взаимодействия.

1.1. Диалектное членение селькупского языка и использованные диалектные материалы

Известно, что селькупский представляет собой диалектный континуум; в отношении его внутреннего диалектного членения есть общепринятые представления, опирающиеся на работы Т. Янурика, Х. Катца, Е. А. Хелимского и Я. Алатало [Katz 1979, Janurik 1978, Хелимский 1984; 1985; Alatalo 2004]. В соответствии с [Alatalo 2004] классификация селькупских диалектов, соотносящаяся с географическим распространением локальных вариантов языка с севера на юг, выглядит следующим образом:

Р — северный, «тундровый» диалект, на реках Таз и на притоках Енисея от Елогуя до Карасино, ранее также в верховьях Ваха.

Т — **тымский диалект**, распространен на реке Тым. Согласно общепринятой точке зрения, именно отсюда на север мигрировала часть населения, послужившая основой северной группы селькупов.

Н — **н-диалект**, на реках Васюган, Парабель и на Оби между ними. Название диалекта в данной классификации обусловлено его яркой чертой — переходом $s > h$.¹

О — **верхнеобской диалект**, к югу от Колпашева до р. Чулым.

К — **кетский диалект**, от нижнего течения реки Кеть, параллельного Оби, и вверх по Кети до Маковского. Я. Алатало указывает на то, что существуют дополнительные различия между селькупскими диалектами на верхней и на нижней Кети.

Помимо вышеприведенной диалектной классификации, для целей данной работы дополнительно важно также учитывать разделение на говоры северного селькупского диалекта. Согласно [Казакевич 2005], «северный, или тазовско-туруханский, диалект селькупского языка существует как совокупность локальных вариантов — говоров, функционирующих в нескольких поселках на территории Красноселькупского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого автономного округа и Туруханского района Красноярского края. Сегодня довольно четко выделяются следующие четыре говора: **среднетазовский** (Сидоровск, Красноселькуп, Часелька, Совречка), **верхнетазовский** (Только Красноселькупского района, Кикки-Акки, Ратта, отдельные носители имеются также в Келлоге, Сургутихе, Бакланыхе), **верхнетолькинский** (ларьякский) (Только Пуровского района, Тарко-Сале), **баишенский** (Фарково, Туруханск)» [Казакевич 2005: 122]. Как будет показано ниже, с точки зрения употребления частиц различаются среднетазовский говор и баишенский говор в записях Г. Н. Прокофьева.

В статье рассматривается употребление следующих частиц северных говоров селькупского языка: *tompa*, *monty*, *myta* и *mol*. Согласно словарю [Alatalo 2004], частицы *monty* и *tompa* имеют следующие

¹ Иногда отдельно выделяется также **И** — **иванкинский диалект** (Обь в районе Колпашева), в котором не произошло перехода $s > h$, но который в остальном очень близок к Н-диалекту.

ареалы распространения: *monty* — Р, Т, К; *motpa* — Р; частица *myta* в [Alatalo 2004] отсутствует (вероятно, в силу того, что она зафиксирована только в северных говорах и только в тех материалах московских исследователей, который Я. Алатало использовал для дополнения существующих словарных статей, но не использовал для того, чтобы завести отдельную словарную статью). В диалектном словаре северных говоров селькупского языка [Казакевич, Будянская 2010] указано, что все эти частицы представлены только в крайнесеверном, среднетазовском идиоме; тем не менее, как будет показано ниже, они употребляются также в тех селькупских фольклорных записях Г. Н. Прокофьева, которые помечены им как записи от баишенских селькупов.

Таким образом, все эти частицы представлены в «правобережных» (относительно Оби) диалектах селькупского (Р, Т, К), при этом две из трех представлены только в северном диалекте, и здесь — только в двух северных говорах — среднетазовском и баишенском (в материалах Г. Н. Прокофьева).

В качестве материала в статье проанализированы следующие тексты на северных говорах: корпус фольклорных текстов на среднетазовском говоре, опубликованный в [ОчСЯ 1993], и записанные Г. Н. Прокофьевым в Яновом Стане фольклорные тексты, любезно предоставленные в мое распоряжение О. А. Казакевич². В словаре [Казакевич, Будянская 2010: 14–15] все указанные тексты Г. Н. Прокофьева перечислены как представляющие баишенский говор. Однако Г. Н. Прокофьев пометил лишь часть из них как записанные от баишенских селькупов; притом что Янов Стан относится к среднетазовской диалектной зоне, можно считать, что отсутствие указания на баишенский говор может быть проинтерпретировано как имплицитное указание на среднетазовский говор (как будет видно из дальнейшего изложения, при разделении указанных текстов на две группы по указанному принципу оказывается, что в этих

---

² В том случае, если цитируется материал из [ОчСЯ 1993], пример снабжается соответствующей ссылкой; примеры без ссылки взяты из указанных архивных материалов Г. Н. Прокофьева [Прокофьев рук.].

двух группах текстов несколько по-разному употребляются частицы, маркирующие чужую речь). В отношении баишенского говора следует сделать следующую оговорку. Как указывает О. А. Казакевич, «грамматическая (а также отчасти и фонетическая) неоднородность, наблюдаемая в говоре, наводит на мысль, что современный говор с. Фарково является результатом смешения по крайней мере двух различных говоров»; в данной статье под баишенским говором понимаются только указанные материалы Г. Н. Прокофьева, но не баишенские записи Л. А. Варковицкой, послужившие материалом для [Казакевич, Будянская 2010] (в этом словаре указано, что интересующих нас частиц в этом локальном варианте селькупского не отмечено), и не баишенские записи Л. А. Варковицкой, А. И. Кузьминой и Т. Лехтисало из [Тучкова, Вагнер-Надь 2015]. При цитировании примеров сохраняется система записи оригинала.

1.2. Основные используемые в статье понятия

При обсуждении значений, наиболее тесно связанных с идеей передачи чужой речи, нам важно различать значения репортатива, квотатива и цитатива.

Значение *репортатива* (единственное из перечисленных) является собственно эвиденциальным значением. Репортативом маркируется не прямой доступ к информации о ситуации: при помощи этой глагольной формы описываются ситуации, свидетелем которых говорящий не был и информация о которых известна ему только с чужих слов (см. (2) ниже). Это значение имеет лишь опосредованное отношение к теме статьи: сам по себе репортатив не является средством передачи чужой речи, однако репортатив может а) служить базой для грамматикализации значений передачи чужой речи; б) являться одним из значений полисемичного показателя, использующегося также для маркирования чужой речи. Непосредственно с маркированием чужой речи связаны два других значения — квотатив и цитатив.

Согласно трактовке [Güldemann 2008], показатель *квотатива* — «a segmentally discrete linguistic expression which is used by the reporter

for the orientation of the audience to signal in his/her discourse the occurrence of an adjacent representation of reported discourse»³ [Güldemann 2012: 118]. Т. Гюльдеман при этом предлагает расширенное понимание чужой, или пересказанной, речи:

«In functional terms it is clear then that there must be another function of quotative indexes beyond plain event representation. I propose to derive this function from the very nature of reported discourse itself, which I define as follows (note that this definition refers to the entire categorial scale between extreme direct and extreme indirect discourse and includes internal cognition and perception):

Reported discourse is the representation of a spoken or mental text from which the reporter distances him-/herself by indicating that it is produced by a source of consciousness in a pragmatic and deictic setting that is different from that of the immediate discourse»⁴. [Güldemann 2012: 118].

Таким образом, *квотатив* — это фактически вербальный аналог кавычек. Применительно к рассматриваемым ниже показателям я предлагаю зарезервировать термин «квотатив» для тех случаев, когда в нарративе вводится прямая речь (в том числе внутренняя речь) персонажей.

---

³ «...Являющаяся отдельным сегментом лингвистическая единица, которая используется говорящим для того, чтобы сигнализировать аудитории, что непосредственно примыкающей к ней в его речи является чужая речь».

⁴ «С функциональной точки зрения очевидно, что у квотативных маркеров есть и другая функция помимо непосредственной передачи событий. Я считаю, что эта функция естественно обусловлена самой природой пересказываемой речи, которую я определяю следующим образом (следует обратить внимание, что это определение относится ко всей шкале, на одном полюсе которой находится “максимально” прямая речь, на другом — “максимально” непрякая речь, включая внутренние акты познания и восприятия):

Пересказываемая речь — репрезентация произнесенного реально или мысленно текста, от которого говорящий дистанцируется, маркируя, что он был произведен некоторым сознанием в ситуации, прагматические и дейктические характеристики которой отличают его от текущей коммуникативной ситуации».

Условия употребления показателей *цитатива* (которые, на мой взгляд, важно отграничивать от квотативных показателей) я предлагаю определить следующим образом. Цитативный показатель сигнализирует о том, что говорящий пересказывает чужую (либо свою) реплику либо формулирует собственную реплику для передачи слушающим третьему лицу; в отличие от эвиденциального значения репортатива, которое маркирует источник информации, и квотатива, являющегося прежде всего маркером введения прямой речи, цитатив ориентирован на пересказ, передачу формы высказывания.

1.3. Эвиденциальная система тазовского селькупского: релевантные формы

Поскольку, как уже говорилось, употребление частиц в какой-то степени пересекается с употреблением показателей косвенной эвиденциальности, ниже вкратце охарактеризована эвиденциальная система северного селькупского.

Эвиденциальная система тазовского селькупского описана в [ОчСЯ 1980], более подробно и с определенной реинтерпретацией — в [Урманчиева 2014, 2015]. В селькупском представлена система из трех собственно эвиденциальных показателей:

- показатель инферентива *-тру* ('говорящий судит о ситуации на основании наблюдаемых результатов'; он не будет рассматриваться в данной статье, так как его функции не пересекаются с функциями описываемых частиц);
- показатель аудитива *-kunä* ('говорящий не наблюдает ситуацию и судит о ней по акустическим данным'⁵):

---

⁵ В северносамодийских языках показатель аудитива может соотноситься с любым сенсорным невизуальным доступом к ситуации, ср. о ненецком [Буркова 2010], о нганасанском [Гусев 2007]. Вероятно, такое употребление представлено и у селькупского аудитива, но мне такие примеры неизвестны.

- (1) *Уккыр чонтō-џын Кӓнҥырсаля нильчӓк уньтынн-и-т* —
 один время-LOC PN так услышать-AOR-03

џуп тап морыли-мпы-куна-∅
 человек вот шуметь-DUR-AUD-S3

‘Однажды Кенгырселя так услышал — человек вот шумит (слышно)’;

— и, наконец, показатель *-nty* с широкой эвиденциальной семантикой, который в данной статье, в соответствии с терминологией, использованной в [ОчСЯ 1980], называется латентивом. Он может передавать следующие эвиденциальные значения (для описания эвиденциальных значений используется терминология, принятая в [Плунгян 2011: 473]): презумптивное ‘говорящий судит о ситуации на основании общих знаний о мире’ аудитивное ‘говорящий воспринимает ситуацию каким-либо чувством, отличным от зрения’⁶, эндофорическое ‘говорящий сообщает о своих внутренних ощущениях’ и репортативное ‘ситуация известна говорящему с чужих слов’. В связи с темой данной статьи из перечисленных нас будет интересовать репортативное значение (‘ситуация известна говорящему с чужих слов’), ср. пример (2), аудитивное, ср. (3) и презумптивное, ср. (4):

- (2) *Ара-ту томпа қӓӓты-нты-∅.*
 отец-1 мол болеть-LATENT-S3

‘Мой отец, говорят, болен’. [ОчСЯ 1980: 241]

- (3) *Нӓну уккыр контō-гыт уӓкылты-мпō-тыт:*
 потом один время-LOC слышать-DUR-AOR-03:

мӓтырōро-нты мерку на тӓӓ-нты-∅.
 крыша-ILL ветер вот прийти-LATENT-S3

‘Потом вот что услышали: на крышу ветер пришел’. [ОчСЯ 1993: 9 // T2, предл. 15]

- (4) *Мерку намысӓак есу-мпа-∅ — мӓт-ту нӓну понӓ*
 ветер такой статья-INFER-S3 чум-3 из наружу

⁶ При этом латентив вытесняет специализированный показатель аудитива.

ašša tann-enta-Ø. Ira nił'cik esa:
 NEG выйти-FUT-s3. старик так сказать-AOR-s3

“*Нор qət-qolam-ty-Ø*”.
 бог убить-PROSP-LATENT-s3

‘Ветер такой поднялся — из чума на улицу (старик) не выйдет. Старик так сказал: «Бог меня **убить собрался**»’. [ОчСЯ 1993: 8 // Т1, предл. 3–5]

В [Плунгян 2011] указывается на существование эвиденциальных систем, различающих визуальный (‘говорящий наблюдал ситуацию’) и партиципантный (‘говорящий принимал участие в ситуации’) доступ к информации об описываемой ситуации. Селькупский показатель латентива также может иметь значение визуального доступа к ситуации, процитирую в связи с этим приводившийся в [Урманчиева 2015] пример и часть комментария к нему:

«Пример (i) демонстрирует употребление латентива в значении визуального доступа:

- (i) *Әты-мын-ты пōнā танты-лā, чап қō-ңы-ты*
 слово-PROL-3 наружу выйти-CVb лишь найти-AOR-o3
мōт-ты пōры-т улқа чōты тамы-ль
 чум-GEN.3 верх-GEN лед против грязный-ATTR
сарпы-ля іппы-нты-Ø.
 тропа-Dim лежать-LATENT-s3

‘Как он сказал, на улицу вышла, едва разглядела — по обледенелой крыше жилища грязная дорожка **идет**’.

⟨...⟩ Латентив в значении визуального доступа может употребляться на протяжении достаточно значительных фрагментов текста, описывая последовательно сменяющие друг друга ситуации в рамках нарративной цепочки ⟨...⟩ 2. Это происходит в тех случаях, когда протагонист, попадая в некоторые новые обстоятельства с новыми действующими лицами, наблюдает эту ситуацию, не вмешиваясь в нее и не принимая в ней активного участия. В этом случае часть повествования ведется с использованием форм визуального доступа от лица протагониста» [Урманчиева 2015: 55–56].

Перейдем к описанию употребления частиц в говорах северного диалекта селькупского языка.

2. Частица *montu*

В отличие от частиц, рассматриваемых в следующих разделах, частица *montu* не участвует в маркировании чужой речи — она дублирует и уточняет значение латентивного показателя с широкой эвиденциальной семантикой. Тем не менее, поскольку некоторые ее употребления пересекаются с употреблениями кватативной частицы *myta*, ее также необходимо рассмотреть в данной статье.

2.1. Среднегазовский говор

В этом говоре частица *montu* дублирует значение визуального доступа, представленное у латентивного показателя:

- (5) *Монты мат чунта-ны пэлы-ль лака-п*
 MONTY я конь-GEN.1 половина-AGTR кусок-ACC
тары-ль тиры орқылы-лә тулты-нты-ты на
 шерсть-AGTR холка схватить-CVB принести-LATENT-O3 вот
 ‘Смотрю, моего коня, холку с шерстью, взяв, притащил’.
- (6) *Тэпты-ль жарыт иннә чап вэц-а-Ф, монты*
 завтра-AGTR утром вверх едва встать-AOR-S3 MONTY
тәләт жары-т мөта-н өк нү-ммы-нты-Ф
 дальше медведь-GEN чум-GEN дверь открыть-INFER-LATENT-S3
 ‘Наутро едва встал — неподалёку дверь медвежьего чума открыта’.

Притом что в (5) и (6) частица *montu* употребляется параллельно с латентивными формами глагола, такое дублирование не носит обязательного характера⁷: с одной стороны, в примерах с *montu* может

⁷ Вообще говоря, рассматриваемые в этой статье частицы не являются настолько грамматикализованными, чтобы иметь обязательные контексты

употребляться индикатив (7), с другой стороны, латентив в значении визуального доступа далеко не всегда сопровождается частицей *monty*:

- (7) *Имакота иллэ чап мантэ-я-Ø (?) — монты,*
 старуха вниз едва глянуть-Аор-с3 МОНТУ
кэтсаны-т тōпы-п лōзы-ль имакота тō
 внук-ГЕН нога-АСС черт-АГТР старуха прочь
қаи пачал-ны-ты
 что отрубить-Аор-о3

‘Старуха вниз едва глянула — видит, внука ногу чертова старуха прочь, что ли, отрубила?’

В текстах Г. Н. Прокофьева из Янова Стана есть примеры употребления сочетания частиц *monty тута* в контексте визуального доступа, характерном для частицы *monty*, ср. (8):

- (8) *Уккыр чонто-қыт руц ира-т няля нōты*
 один время-ЛОС русский старик-ГЕН дочь впредь
тулынн-я-Ø. Монты мыта нільчіль тэтты кун ни
 подойти-Аор-с3 МОНТУ МУТА такой земля где ни
уккыр нюто-н-ты, по-н-ты мо чāңк-а-Ø
 один трава-ГЕН-3 дерево-ГЕН-3 сук не.иметься-Аор-с3

‘Однажды русского старика дочь подошла (к некоему месту). Такая земля, нигде ни веточки ни травы, ни дерева’.

2.2. Тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым от баишенских селькупов

Как и в среднетазовском говоре, в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева эта частица имеет значение визуального доступа (таких примеров найдено три). В (9) частица *monty* употребляется в сочетании

употребления, и есть схожие контексты, в части из которых частицы употребляются, а в части — нет.

с латентивной формой, в (10) — в сочетании с *чӱңка* ‘нет, не имеется’ (эту форму грамматически следует интерпретировать как аорист 3 л. ед. ч. субъектного спряжения, однако, по моим наблюдениям, у этой основы аористная форма часто употребляется в контексте, характерном для эвиденциальных форм). Любопытно, что в (11) *монту* употребляется в сочетании с инферентивом; объектом визуального доступа в этом случае является не сама ситуация, лично не засвидетельствованная говорящим, а ее результат.

- (9) *Ныны* *зән-нѳ-тын.* *Монты* *нильчӱк* *зо-уѳ-тын,*
 потом пойти-AOR-S3PL MONTY так увидеть-AOR-O3PL

монты *бакл₁тиры₂* *тү-нты-ѳ.*
 MONTY нарты_{1,2} прийти-LATENT-S3

‘Потом пошли. Так увидели, нарты подошли’.

- (10) *Кы-н* *муты* *поккыты-уы-ты,* *монты,* *вӱтты-ты*
 река-GEN петля перевалить-AOR-O3 MONTY след-3

чӱңк-а-ѳ.
 не.иметься-AOR-S3

‘Место, где река делает петлю, перевалил, смотрит, нет следа’.

- (11) *Чоңаль* *пѳры-мын* *ылӱ* *манны-мп-а-ѳ.*
 чувал отверстие-PROL вниз посмотреть-DUR-AOR-S3

Монты *ира-мы* *няныча* *омт-а-ѳ* *ынтӱ-лӱ*
 MONTY муж-1 голый сидеть-AOR-S3 лук-DIM

ме-ммы-нты-ты *ай* *кома-ля*
 сделать-INFER-LATENT-O3 опять томар⁸-DIM

ме-ммы-нты-ты, *комаля-н-ты* *үкы-м*
 сделать-INFER-LATENT-O3 томар-DIM-GEN-3 конец-ACC

кысы-ля-сы *тоkkalты-мпа-т.*
 железо-DIM-INSTR одеть-INFER-O3

‘Через отверстие чувала вниз смотрит. Видно муж мой голый сидит, лук маленький и томарик сделал, томара своего конец железкой надел’.

⁸ Стрела с «шишечкой» на конце, не портящая шкурку.

В двух примерах эта частица имеет значение, близкое к презумптивному: она маркирует предположение, основанное на общих знаниях о мире. В (12) она употребляется в сочетании с латентивом (напомню, что эта эвиденциальная форма также имеет значение презумптива). Употребление этой частицы в (13) позволяет распространить значение предположения презумптивного характера на такой контекст, где грамматически его невозможно было бы выразить латентивом (в (13) глагол должен иметь либо форму инфинитива, либо форму опатива):

- (12) *Нильчiк эс-ѳ-тын «Монты жай мей*
 так статья-AOR-S/O3 MONTY что мы
бу-псѳ-ты-мыт сом е-нты-ѳ.
 умереть-NMLZ-PL-1PL хорошо быть-LATENT-S3

‘Так сказали: «Видно что нам только и остается, что умереть»’.

- (13) *Мащiм ей жупыль копты ны нѳны то*
 я.АСС тоже смертный место вот теперь прочь
щип и-сы-ѳ — нѳты кос монты
 я.АСС взять-PRAET-S3 впредь INDEF MONTY
жэчи-жонтожо (жэчи-лѳ-л).
 оставить-INF.2 (оставить-ORT-O2)

‘Меня тоже из смертного места прочь меня взял — впредь видно, тебе его оставить (= простить) надо (ты бы его оставил)’.

В тех же значениях, что и *monty*, в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева употребляется сочетание частиц *monty myta*. Так, в (14), (15) и (16) сочетание частиц маркирует значение визуального доступа (в (16) при этом в сочетании с инферентивной формой, как в (11) выше). Фраза, приведенная в примере (17), иллюстрирует значение презумптивного предположения: один старик, адресуясь к другому после учиненной тем резни, имеет в виду, произнося эту фразу, что по его поведению можно подумать, что он отдал в жены свою дочь только для того, чтобы устроить кровопролитие:

- (14) *Ны чап тѳ-жа-ѳ монты мыта жумы-н*
 вот лишь прийти-AOR-S3 MONTY MYTA человек-PL

таҗуыл-ны-нтә-тын.

собраться-INFER-LATENT-S/O3PL

‘Вот лишь пришел видит будто люди собрались’.

- (15) *Таккыль јты-ль тичо-нты тулын-ни-Ø монты*
 нижний вода-ATTR теснина-ILL подойти-AOR-S3 MONTY

мыта лосы нупынир-лә ёмт-а-Ø

МУТА черт удить-CVB сидеть-AOR-S3

‘К нижней водяной теснине подошел — видно будто черт, удя, сидит’.

- (16) *Ныны щиттынтәль моҗынә тә-ја-Ø, монты*
 потом вторично домой прийти-AOR-S3 MONTY

мыта йя-мы намыт кепыль оры-мпа-Ø —

МУТА сын-1 до.того сильный вырасти-INFER-S3

унты-ль укы-ты сәҗы-к коррымәт-па-Ø

борода-ATTR край-3 черный-ADV повернуться-INFER-S3

‘Потом вторично домой пришел — сын мой такой сильный вырос — борода и усы (бородатый край его) черно повернулись (обратились)’.

- (17) *Кәсы-ль Чүнты-ль мы ира нильчик*
 железо-ATTR лошадь-ATTR COLL старик так

кәты-уы-т Сельчи Паныц Ира-нык: «Тан монты
 сказать-AOR-O3 семь коса старик-LAT ты MONTY

мыта нәлә-м-ты нат-җо ми-са-л, кемыу-лы

МУТА дочь-ACC-2 то-TRANSL дать-ПРАЕТ-O2 кровь-2

нильчек ме-җонтоҗо»

так делать-INF.2

‘Железных Лошадей Старик так сказал Старику с Семейю Ко-сами: «Ты неужели будто дочь свою затем отдал, чтобы кровь твою делать (проливать)»’.

Таким образом, баишенские тексты Г. Н. Прокофьева позволяют проследить у частицы *monty* семантическое развитие на базе значения визуального доступа значения презумптива, непосредственно смыкающегося со значением эпистемической модальности. Оба этих

значения могут передаваться также одновременным употреблением с частицей *montu* частицы *myta*, которая подробно рассматривается в следующем разделе.

3. Частица *myta*

3.1. Среднегазовский говор

В текстах Г. Н. Прокофьева из Янова Стана, не помеченных им как записи от баишенских селькупов, есть единственный пример употребления частицы *myta*, который нет возможности семантически проинтерпретировать надежным образом. В среднегазовских текстах из [ОчСЯ 1993] эта частица употребляется в функции *квотатива* в широком значении. Так, в (18) *myta* оформляет реплику прямой речи персонажа в нарративе, а в (19) *myta* используется для описания увиденного персонажем, то есть для передачи внутренней речи, отражающей акт восприятия. Таким образом, пример (19) удачно иллюстрирует основания, которые позволяют употреблять квотативный показатель для передачи, по выражению Т. Гюльдемана, внутренних актов познания и восприятия. Очевидно, что в (19) глагол видения описывает не некоторый объективно существующий фрагмент действительности, а его восприятие персонажем: ‘то ли огонь горит, то ли солнце светит’. Таким образом, и в таких примерах как бы цитируется восприятие персонажа, которое можно, в частности, ассоциировать с его внутренней речью.

- (18) *N̄ny tol'cy-t s̄isy-p tō*
 потом лыжи-GEN крепления-ACC прочь
patqyllē-mp-a-ty — latno, myta, mōt šēr-ta-k.
 размотать-DUR-AOR-O3 ладно МУТА чум войти-FUT-s1
 ‘Потом крепления лыж размотал — ладно, мол, в чум войду’.

- (19) *Qum tōn-ny-∅, ukkyr contō-qyt*
 человек идти.на.лыжах-AOR-s3 один время-LOC

qo-nyu-ty: *ɔnyl'*,   *myta*,   *qaj tii*   *cɔru-nty-∅*,
увидеть-AOR-O3   правда,   МУТА   что   огонь   гореть-LATENT-S3

qaj,   *myta*,   *cɛly-ty*   *ɔty-nty-∅*.
что   МУТА   солнце-3   взойти-LATENT-S3

‘Человек идет на лыжах, вдруг увидел: действительно, мол, то ли огонь горит, то ли, мол, солнце всходит’.

3.2. Тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым от баишенских селькупов

В баишенских текстах Г. Н. Прокофьева частица *myta* употребляется очень активно. Во-первых, она употребляется в контекстах квотатива, как и в среднетазовском, ср. контексты прямой речи в (20) и (21), а также дополнительные примеры (22)–(24), показывающие, что *myta* не имеет ограничений на сочетаемость с различными глагольными формами в маркируемой предикации и с различной иллокутивной силой высказывания: в (22) представлено побудительное высказывание (и, соответственно, императив), в (23) — вопросительное высказывание, в (24) *myta* употребляется в двух последовательных предикациях, в первом случае сочетаясь с кондиционалом, во втором — с оптативом:

(20) *Känyrsä nilь kəty-ny-t*   «Ман **myta** лосы
PN   так   сказать-AOR-O1   я   МУТА   черт

цим ɟət-ɟontыtɕo nɛn̄ɛтын̄.
я.ACC   убить-INF.3PL   гонять-AOR-S/O3PL

Hun iя nilь kəty-ny-t: «Ман **myta**
небо-GEN   ребенок   так   сказать-AOR-O1   я   МУТА

nen̄nya-ль my-ɟäɟы-n нянтä ɛ̄mты-птä-ɟыт
сестра-ATTR   COLL-COMIT-1   вместе   сидеть-NMLZ-LOC

укин апсы-н-ты мат кыммалты-са-к.
раньше   еда-GEN-3   я   потащить-PRAT-S1

‘Кенгырс так говорит: «Меня черти меня убить, чтобы им гоняют». Бога сын так говорит: «Я с сестрами моими вместе сидения во время раньше еду я потащил’.

- (21) — *Тат җай мыта Кәңүрсыля җонтыр-аль*
ты что МУТА PN видеть-PTPRAES
чәүка-Ø?
не.иметься.AOR-S3
— *Тат кос мыта җай-ль Кәңүрсыля томт-а-л?*
ты INDEF МУТА что-ATTR PN говорить-AOR-O2
Ман мыта аиҗа теным-а-п
я МУТА NEG знать-AOR-O1
‘— Ты что, Кенгырселю не видала?
— Ты о каком Кенгырсле говоришь? Я не знаю.’
- (22) *Әмтәль₁ җо-н₂ йя нильчik кәты-ңы-т:*
царь_{1,2}-GEN ребенок так сказать-AOR-O3
«*Мыта тант-әйцик!*»
МУТА выйти-sIMP2
‘Царя сын так говорит: «Ну-ка выходи!»’
- (23) *Кәңүрсы туңус-ты нильчik кәты-ңы-т: «Те мьта*
PN тунгус-ILL так сказать-AOR-S3 вы МУТА
җай-җо җалал-лыт аиҗа ми-нт-ә-лын?»
что-TRANSL ясак-2PL NEG давать-IPFV-AOR-s/O2PL
‘Кенгырсы тунгусу так сказал: «Вы почему ясак ваш не платите?»’
- (24) *Әмтәль₁ җо-н₂ йя нильчik кәты-ңы-т: «Мыта*
царь_{1,2}-GEN ребенок так сказать-AOR-O3 МУТА
куссаң әмә, мыта қаль еммә үро-нт
когда INDEF МУТА какой INDEF дело-ILL
ольче-ммә-к щим ай пәлты-лә-нты-сә».
попасть-COND-S1 я.ACC опять помочь-OPT-S2-OPT
‘Царя сын так говорит: «Когда-нибудь в какое-нибудь дело упаду я, мне опять поможешь ты?»’.

Во-вторых, частица *myta* используется в этих текстах в контексте визуального доступа. Как уже было проиллюстрировано примерами (14)–(16) выше, это возможно в том случае, если *myta* употребляется в комбинации частиц *monty myta*, но также, как показывают

примеры (25)–(27) ниже, и в случае самостоятельного употребления частицы *мыта*:

- (25) *Уккыр чонтӧ-қыт нильчӧк қо-ңы-ты — чӧлы-ты*
 один время-LOC так увидеть-АОР-ОЗ солнце-З
мыта ниль ноп тарӧ лыбкытымбы-лӧ, мыта
 МУТА ночь-АГТР небо подобно стемнеть-СВВ МУТА
тӧтты-н мӧтыр тӧ-ңа-Ӧ. Тӧтты-нты мыта
 земля-GEN богатырь прийти-АОР земля-ILL МУТА
нулӧ-мын-ты сӧт-а-Ӧ — нильчек тӧ-нт-а-Ӧ.
 колено-PROL-З брести-АОР-S3 так прийти-IPFV-АОР-S3

‘Вдруг так увидел — солнце ночному небу подобно стемнев, земли богатырь пришел. В землю по колено бредет — так подходит’.

- (26) *Ӣя-ты нильчӧк қо-ңы-ты — ӧсӧ-м мыта*
 сын-З так увидеть-АОР-ОЗ отец-1 МУТА
тӧ-ңа-Ӧ
 прийти-АОР-S3

‘Сын его так увидел — отец пришел’.

- (27) *Тӧбтыль қарыт инӧ вӧщ-ӧ-тын — мыта*
 следующий утро вверх подняться-АОР-S/O3 МУТА
тӧна чунто-мын мелты чӧңк-а-Ӧ
 тот конь-1PL совсем не.иметься-АОР-S3

‘На следующее утро встали — коня нашего совсем нет’.

В (26)–(27) *мыта* употребляется в сочетании с аористой, а не с латентивной формой предиката, однако (28) иллюстрирует сочетание этой частицы с латентивом:

- (28) *Уккыр чонтӧ-қыт мыта тӧнтӧна чунты мыта*
 один время-LOC МУТА тот конь МУТА
ӧты-ль қӧққо-мын нимын мыта на таннӧ-нты-Ӧ.
 вода-АГТР прорубь-PROL там МУТА вот выходить-LATENT-S3

‘Однажды (видит): давешний конь по проруби там ходит’.

Наконец, в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева частица *мыта* может сопровождать употребление аудитива:

- (29) *Уккыр чонто-быт имат-ы нильчик унтынн-и-т* —
 один время-LOC женщина-3 так услышать-АОР-ОЗ
зум мыта молэллу-кынй-Ø
 человек МУТА разговоривать-AUD-s3
 ‘Вдруг жена его так услышала — человек разговоривает (слышно)’.
- (30) *Тәптыль жарын челы-н-ты ынты-т пиры*
 следующий утро солнце-GEN-3 лук-GEN высота
сыкыл-тә-бын мыта ситты зуп сумпы-куна-Ø
 залезть-NMLZ-LOC МУТА два человек шаманить-AUD-s3
 ‘На следующее утро, когда солнце на высоту лука поднялось, два человека шаманят (слышно)’.

Таким образом, совокупность употреблений частицы *мыта* в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева позволяет определить ее как показатель квотатива с максимально широким функционалом, согласно цитированной выше трактовке [Güldemann 2012]. При этом квотативные показатели Т. Гюльдеман выделяет прежде всего для языков, где для передачи чужой речи используются не конструкции косвенной речи, а конструкции прямой речи, то есть такие конструкции, где вмешательство говорящего в структуру пересказываемого дискурса минимально. Замечу, что так же организованы и предложения (26), (27) и (29): в клаузах, описывающих увиденную третьими лицами ситуацию, на существительных используются посессивные показатели первого лица.⁹

⁹ Из других селькупских диалектов специальный маркер квотатива представлен также в кетском диалекте селькупского, где эту функцию имеет частица *gal(lo)*:

- (31) *Оккрын тууан сүрулевле имнәдни тәран.* «Нужели **җалло** ман оннән кувай пәнджармы тану? Тан тиннувыммал җәтты.» «**Җал** Йтејә Йтејә ман **җәл** асс тинновам.» *Ита имнәтт тынд лбәрајдезвут җоттә, мишалгуват:* «җәтты!» «Йтејә, ну тинновам **җал** тәна таминетай аргу! дасуан Ооо.» *Оккрын сүрулевле җоттә тиатшау җәват мәта алто. И на сүрулевле тууан.* «Тан **җал** асс тиннувынди җайуын җвалам

4. Частица *totpa*

4.1. Среднетазовский говор

Эта частица в текстах, записанных в 20-е годы XX в. Г. Н. Прокофьевым, употребляется в значении репортатива:

- (32) *Təp̄təlȳ çəlȳ nilȳçilȳ ətȳ tū-nty-Ø* —
 следующий день такой весть прийти-LATENT-S3

Əmtälȳ₁ qon₂ myqyt mompa kochchi
 царь_{1,2} у мол много

pälä-lȳ tamtyr-ty şūnyñi-nty-Ø.
 половина-AGTR род-3 уменьшиться-LATENT-S3

‘На следующий день такая весть пришла: у царя людей чуть не вполовину меньше стало’.

В более поздних текстах, записанных через полвека и опубликованных в [ОчСЯ 1993], эта частица также имеет значение репортатива (см. пример (2) выше). И в примере (2), и в примере (32) *totpa* сочетается с формой латентива, которая в селькупском имеет репортативное значение. Помимо этого, частица *totpa* в среднетазовском говоре имеет значение *цитатива*, то есть используется тогда, когда говорящий либо пересказывает чужую (или свою) реплику,

---

şwatku?» İmnät tärau: «Kal tñändə ėyan matäl do. Händə ılay şwälan esay şwälu u şwälan eway kuway.» İtie: «Şallo şaran şwäle şwatışam.»
 Однажды он пришел, поохотившись, бабушке своей говорит: «Неужели, мол, у меня самого человеческого окружения нет? Ты, если знаешь, скажи». «Мол, Итя, Итя, я, мол, не знаю». Итя тут свою бабушку опрокинул на спину, теребит её: «Скажи!» «Итя, ну, я знаю, мол, тех и этих чужих, холодно, ооо!». Однажды, поохотившись, обратно идет он, увидел таежное озеро. И вот, поохотившись, пришел он. «Ты, мол, не знаешь, где рыбу добыть?» Его бабушка говорит: «Мол, там есть таёжное озеро. В нём живет рыбы отцовская рыба и рыбы материнская человеческая». Итя: «Мол, завтра добывать пойду» [Тучкова, Вагнер-Надь 2015:].

либо формулирует собственную реплику для передачи слушающим третьему лицу. Так, в примере (33) православный священник, служащий посредником в переговорах селькупов с ненцами, передает селькупам слова ненцев:

- (33) *Packa kəty-ŋy-ty: «Mē, tompa, paŋu-sä*
 поп сказать-AOR-O3 мы MOMPA нож-INSTR
qəttyr-ent̄-myn»
 резать-FUT-O1

[Селькупы послали попа спросить у ненцев, как они будут шаманить] ‘Поп сказал: «Мы (= ненцы), мол, будем шаманить режа себя ножом»’. [ОчСЯ 1993: 35 // T25, предл. 26]

Есть также ряд примеров, где *tompa* могло бы трактоваться и как показатель цитатива, и как показатель квотатива. Это примеры типа (34)–(36) ниже. С одной стороны, можно было бы квалифицировать их как квотатив. Однако стоит начать с того, что такие примеры слишком редки, чтобы рассматривать *tompa* как нейтральный маркер квотатива (таких примеров найдено всего три, тогда как квотативный показатель, оформляющий прямую речь, должен был бы употребляться существенно чаще). Кроме того, во всех трех приведенных ниже примерах, найденных в [ОчСЯ 1993], оформленное *tompa* высказывание обладает особым коммуникативно-прагматическим статусом: это вопросительные предложения, причем все они имеют оттенок побуждения, подразумевая от слушающего больше чем просто сообщение нейтральной информации: в (34) герой осведомляется у царя, не даст ли тот согласие померяться с ним богатством с тем, чтобы в случае успеха получить в жены его дочь, в (35) подразумевается, что селькупы отведут посланников ненцев к своему шаману или позовут его к ним, в (36) имеется в виду, что в случае, если муж женщины дома, она укажет на него чёрту:

- (34) *Nȳny ukky conto-qyn n̄ik kəty-ŋy-ty ǝ̄mtyl'1 qo-nyk2:*
 потом один время-LOC так сказать-AOR-O3 царь_{1,2}-LAT
 “*Qaj tompa man aš saŋa-na-m tat*
 что MOMPA я NEG попробовать-AOR-O1 ты

qomnä-m-ty?”
 деньги-ACC-2

‘Потом вдруг он так сказал царю: «Что мол я не попробовал ли твои деньги?» (= не посоревноваться ли мне с тобой, кто богаче?)’ [ОчСЯ 1993: 40 // T26, предл. 193]

- (35) *Так и tü-ḡ-tyt, tü-lä na soqyn’n’y-ntḡ-tyt:*
 так и прийти-AOR-3PL прийти-Cṽv и спросить-LATENT-3PL
 “*Мотра, tḡтыр-lyt kun ḡ-ja-ḡ?*”
 мол шаман-2PL где быть-PRAES-3

[Шаманское умение измерит так послали с ненецкой стороны (= пришли посланники от ненцев), чтобы у Бога спросить: «Бог действительно ли так сказал? На селькупской стороне шаман правильно ли в Бога веруя живет?» Что правда, бог так пусть скажет.] ‘Так и пришли, придя спрашивают: «Мол, ваш шаман где есть?»’ [ОчСЯ 1993: 34 // T25, предл. 4]

- (36) «*Мотра, mašyp pḡ-ntyl’ qum ḡryk*
 мол я.ACC искать-PTPRAES человек еще
сḡḡка-ḡ?»
 не.иметься.AOR-3

[Потом села — а тот черт в чум пришел.] Мол, меня ищущего того человека все еще нет?’ [ОчСЯ 1993: 9 // T2, предл. 22–23]

Такие употребления нельзя считать собственно цитативными; тем не менее в данный момент существенно запомнить это употребление цитативного показателя в предложениях с вопросительно-побудительной иллокутивной силой — это окажется важным при дальнейшем анализе более обширного материала.

4.2. Тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым от баишенских селькупов

В этих текстах, как и в среднетазовских, частица *мотра* имеет значение репортатива (37) и цитатива в (38). В (38) представлена

реплика, формулируемая говорящим для передачи слушающим третьему лицу:

- (37) «*На момпа Кәуырсыля има-м ей куттар*
 вот МОМРА РН жена-ACC опять как

җә-уы-ты, ме җәты ай җөцици-мыт еnä
 найти-AOR-O3 мы хоть опять сходить-s1PL CONJ

«Вот, слышно, Кенгырселя жену, что ли, нашел, мы хоть сходили (бы) (посмотреть)»’.

- (38) *Ноп нильчек кәты-уы-т: «Кысса, нөты момпа*
 бог так сказать-AOR-O3 Норт впредь МОМРА

җәчи-уымтия». Нөны җиттымтәль иллә вәцицэ-я-Ф,
 оставить-OIMP3 потом опять вниз лететь-AOR-s3

нильчик кәты-уы-т «Кысса нөты җәч-әт»
 так сказать-AOR-O3 НОРТ впредь оставить-OIMP2

‘Бог так сказал: «Пусть теперь перестанет» (= передай, чтобы перестал). Он спустился вниз, сказал: «Теперь перестань»’.

5. Частица *mol*

5.1. Среднетазовский

Немногочисленные примеры употребления этой частицы в среднетазовских текстах позволяют очертить следующий круг употреблений:

— *репортатив*

- (39) *Тәр үнтышр-а-ту, мол анту қән-ра-Ф*
 он услышать-AOR-O3 мол лодка уйти-INFER-s3

‘Он услышал, что, мол, лодка ушла’. [ОчСЯ 1980: 329]

— *квотатив* (оба найденных примера описывают невербальные когнитивные акты):

- (40) *Perqy-m-ty orqyl-ny-ty aj mokal-ty orqyl-ty-ty,*
живот-АСС-3 схватить-АОР-ОЗ и спина-АСС схватить-LATENT-3
n̄ty pisyn 'n 'a-∅ — mol qorqy-p macä
дальше смеяться-АОР-S3 мол медведь-АСС прочь
īt-a-p.
отправить-АОР-ОЗ
‘За живот схватился и за спину схватился, дальше смеется —
мол, медведя я прочь отправил’. [ОчСЯ 1993: 28 // Т17, предл.
22–23]

Очень интересен также следующий пример. В (41) описывается, как человек был посажен помогающим ему сверхъестественным существом в крытую нарту и отправлен в путь. При этом ему заранее был неизвестен маршрут и цель путешествия; также, находясь в крытой нарте, он не управлял ее движением и, в отличие от обычного ездока, мог в пути доверять прежде всего своим ощущениям, а не зрению (это, в частности, доказывает не только общий контекст, но и употребление инфертива в последней фразе примера — ‘Домой меня зверь доvez’: говорящий, очевидно, был лишен возможности следить за ходом своего путешествия). Соответственно, первое предложение примера (41) естественно перевести как ‘Когда, по его ощущениям, остановились’:

- (41) *Kuššan mol utyc-a-∅ — “Na qaj, moqynä*
когда мол остановиться-АОР-S3 вот что домой
tulyñ 'n 'a-k m̄t-qäk!” “N̄ny n̄ty ponä
дойти-АОР-S1 чум-ILL.1 потом впредь наружу
tanty-ñ̄”. N̄ny ponä cap tant-a-∅ — “Onä-k
выйти-SIMP3 потом наружу едва выйти-АОР-S3 сам-1
m̄n-my, moqynä šip tatty-mpa-∅!”
чум-1 домой я.АСС.1 привезти-INFER-S3
‘Когда нарта остановилась — «Значит, домой я добрался в свой чум!» «Потом наружу пусть выйдет». Потом наружу вышел. Действительно, мой чум, домой меня зверь привёз». [ОчСЯ 1993: 11 // Т2, предл. 123–125]

Следующий пример иллюстрирует употребление *mol* в **цитативном** значении — говорящий формулирует реплику для «воспроизведения» слушающим третьему лицу:

- (42) *Nom-ty laŋkyš-äšyk mol mat kiŋca-p.*
 бог-ЛАТ кричать-slmp2 мол я запор-1

‘Богу кричи, мол, это мой запор (для ловли рыбы)’. [ОчСЯ 1993: 23 // Т8, предл. 11]

Выше приводились примеры (34)–(36), иллюстрирующие употребление в среднетазовских текстах частицы *totpa* в предложениях с особой — вопросительно-побудительной — иллокутивной силой. Фактически тождественную функцию исполняет в среднетазовском и *mol* — ср. использование этой частицы в специальных «инструктивных» контекстах: *mol* в побудительном высказывании в (43), а также особый тип конструкций побудительно-инструктивного характера ‘считай, что’ (на русский они переводятся условными предложениями, однако селькупские предложения содержат индикативные формы, а не формы кондиционала) со значением ‘Если Р, это означает, что Q’ в (44):

- (43) *Packa ašša kyka-lä: «Luccä, mol, onä-n-ty qəqly*
 поп NEG хотеть-СvB лучше мол сам-GEN-2 князь
nyllē-ŋyjä»
 встать-slmp3

‘Поп не захотел: лучше, мол, твой собственный князь пусть встанет’. [ОчСЯ 1993: 35 // Т25, предл. 58]

- (44) *Man mol ryqal'-na-k, nił'cyk tenym-äty, man na*
 я мол захрапеть-AOR-s1 так знать-oImp2 я вот
qontalē-nta-k. A mol šiqymp-a-k — olqa ipp-a-k,
 спать-LATENT-s1 а мол сопеть-AOR-s1 просто лежать-AOR-s1
aš qont-a-k, taŋaltymp-a-k.
 NEG спать-AOR-s1 затихнуть-AOR-o1

‘Я если захрапел, так знай, я заснул. А если соплю, — просто лежу, не сплю, притих’. [ОчСЯ 1993: 28 // Т17, предл. 10–11]

5.2. Тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым от баишенских селькупов

В одном из баишенских текстах Прокофьева частица *mol* также встрети́лась в побудительно-инструктивной конструкции (со значением ‘считай, что’) в придаточном типа ‘если Р, это значит, что Q’:

- (45) *Kata (ʒata) mol nōʒyrtällyl nō-t lymōn-na-k*
 если мол третий год-PL молчать-AOR-S1
na ʒaj ʒu-ʒa-k
 и что умереть-AOR-S1

‘Если в три следующих года молчать буду, это значит, что я умер’.

5.3. Верхнетазовский

Наконец, интересно, что частица *mol* зафиксирована в верхнетазовских текстах; следует напомнить, что другие, исконно селькупские частицы, рассмотренные в данной статье, в верхнетазовском говоре неупотребимы. Таким образом, в верхнетазовском говоре селькупского *mol* — единственная частица, функционирующая в сфере передачи чужой речи. В тексте [Тучкова, Хелимский 2010, прил. 4] можно найти следующие употребления этой частицы:

Во-первых, она встречается в *квотативных* контекстах, ср. (46), а также в (47), где при помощи *mol* передаются внутренние побуждения субъекта:

- (46) *Qum-ī-ty tii-lä cət soqyń-c5-tyŋ*
 человек-PL-3 прийти-CVB едва спросить-LATENT-S/O3PL
aj mol qā-qa nāju-m cāŋky mē-nta-l,
 тоже мол что-TRANSL хлеб-ACC NEG сделать-LATENT-O2
tōnnamū (säq-qyŋ 5mtyjɔ) mol ninycy-sa-k da
 тот тайга-LOC царь мол устать-PRAET-S1 и

ola-p cüsy-nty-∅.
голова-1 болеть-LATENT-S3

‘Его товарищи пришли и спрашивают опять, мол, почему хлеба не испек, а тот (царь тайги), мол устал да голова болит’.

- (47) *Konnä ī-lä šitty māty-ny-ī mol qaj*
от.огня взять-СВВ надвое разрезать-AOR-O3 мол что
pi-mpa-∅ qaj cāŋky.
свариться-RES.AOR-S3 что нет

‘Из печи достал и разрезал, мол, испекся или нет’.

Во-вторых, частица *mol* имеет **цитативные** употребления, ср. реплики, сформулированные для передачи третьему лицу, в (48) и дважды в (49), а также реплика, которую говорящий формулирует, планируя возможный будущий диалог, в (51):

- (48) *Uıyl lōsy ĵa-m-ty quralty-ny-t, mol qaj*
вода-АТТР черт сын-АСС-3 послать-AOR-O3 мол что
qım ̄mny-nty-∅.
человек сидеть-АТТР-O3

‘Водяной своего сына послал, мол, что за человек сидит’.

- (49) *Ût-qyj lōsy ħēñny-mñ-nu-∅, ñik kät-ny-t*
вода-ЛОСАТТР черт рассердиться-AOR-S3 так сказать-AOR-O3
ĵa-nty-nyk: «Qällä kät-ät, mol kuckyak
сын-LAT.3 идти-SIMP2 спросить-OIMP2 мол зря
yky oryñ-nyja, ỹryknaj qāly-m aša
ПРОН стараться-imps3 всё.равно рыба-АСС NEG
ũte-nta-m». Ût-qyj lōsy-n ĵja
пустить-FUT-O1 вода-ЛОСАТТР черт-GEN ребенок
Markyñca-nyk mulaltnyıt asy-n-ty tom-pyj
PN-LAT передать-AOR-O3 отец-GEN-3 сказать-PTPRAET
āty-m. Markyñca pila-ty sely-mpa-t, ñik
слово-АСС PN пила-3 точить-DUR-O3 так
tom-ny-t: «Qan-äšyk ara-nty-nyk, ñik
сказать-AOR-O3 идти-SIMP2 отец-LAT.3 так

mulalt-ät, mol qäly-m aša ütypt-äqy-n-ty
 передать-OIMP2 мол рыба-ACC NEG пустить-NMLZ-ILL
man tē-šyntyntyn tam poqqa-nysä konnä šintyn
 я вы-PRONACC.2PL этот сеть-1.INSTR от.воды 2PL.ACC
näkylt-enta-k, tam tāqa-nysä muntyk šintyn
 вытащить-FUT-s1 этот сабля-1.INSTR весь 2PL.ACC
pačält-enta-k»
 разрубить-FUT-s1

‘Водяной рассердился, так сказал своему сыну: «Пойди и скажи, мол, зря пусть не трудится, все равно рыбу не пушу». Сын водяного передал Маркынче отцом сказанные слова. Маркынча свою пилу точит, так сказал: «Пойди к своему папе, так передай, мой, если он рыбу не пустит, я вас вот своей сетью на берег вас вытащу, вот этой своей саблей всех вас изрублю»’.

- (50) *Nōty tenyrpa-∅ macy-l lōsy: «Mat qaj*
 потом думать.AOR-O3 яр-ATTR черт я что
kät-enta-m šmyñē-īqäñ, kät-enta-m mol
 сказать-FUT-O1 товарищ-LAT.DU.1 сказать-FUT-O1 мол
qaj imaqota man nōny näjy-m pīty-sy-t?
 что старуха я от хлеб-ACC украсть-PRAT-O3

‘Потом думает дух яра: «Я что скажу моим товарищам, скажу, мол, что старуха у меня хлеб отобрала?»’

Употребления *mol* распространяются также на побудительно-инструктивные контексты — с императивом в (51) и будущим временем в (52):

- (51) *Markynca cät tom-ny-t mol aj kypāqa*
 PN едва сказать-AOR-O3 мол еще мало
qäl-ly-myt
 идти-IMP-1PL

‘А Маркынча сказал, мол, еще маленько давайте пройдем’.

- (52) *Šmy-ntynyk tom-ny-t mol tītam šinty qar-enta-k*
 мать-LAT.3 сказать-AOR-O3 мол позже 2.ACC забрать-FUT-s1
 ‘Матери сказал, мол, позже за тобой приду’.

6. Семантическая эволюция частиц в селькупском

В таблице ниже суммируются (и сопоставляются с эвиденциальными формами) все употребления частиц в двух северных говорах селькупского.

Таблица 1. Семантика частиц в северных говорах селькупского

Table 1. Semantics of particles in Northern Selkup idioms

		эвиденциальные показатели	частицы в северных говорах селькупского		
			средне-тазовский	баишенский (по текстам Г. Н. Прокофьева)	верхне-тазовский
эвиденциальные значения	визуальное	<i>-nty</i>	<i>monty, monty myta</i>	<i>myta, monty myta</i>	
	презумптив	<i>-nty</i>		<i>monty, monty myta</i>	
	аудитив	<i>-nty, kynä</i>	—	<i>myta</i>	
	инферентив	<i>-mpy</i>	—	<i>monty, monty myta</i>	
	репортазив	<i>-nty</i>	<i>tompa, mol</i>	<i>tompa</i>	
цитатив		—	<i>tompa, mol</i>	<i>tompa</i>	<i>mol</i>
квотатив		—	<i>myta, mol</i>	<i>myta</i>	<i>mol</i>

1) Самая старая, судя по ареалу распространения, частица *monty* демонстрирует в баишенском говоре тенденцию развития из показателя визуального доступа в показатель презумптива либо эпистемической модальности. Если предложенная в [Alatalo 2004: 116]

этимология верна, эта частица восходит к общесамодийскому глаголу *mān- ‘говорить’, то есть изначально это мог быть маркер квотатива. Аналогичное развитие — от квотатива к визуальному доступу — в баишенском варианте селькупского, записанном Г. Н. Прокофьевым (и, единично, также в среднетазовских материалах [ОчСЯ 1993]), демонстрирует «новый» показатель квотатива *myta*.

Таким образом, реконструированную семантическую эволюцию показателя *monty* можно обозначить на следующей схеме.

Схема 1. Семантическая эволюция показателя *monty*

Fig. 1. Semantic evolution of *monty*

*квотатив	>>	визуальный	>>	эпистемическая
(ск. * <i>mōn</i> -		доступ		модальность
‘сказать’ + <i>Latent</i>)				

2) Восходящий к тому же глаголу ‘говорить’ более молодой (о чем свидетельствует как семантика, так и ареал распространения, ограниченный среднетазовским говором) показатель *motpa* (ск. *mōn- ‘сказать’ +*Dur*) демонстрирует следующую полисемию: репортатив (значение косвенной эвиденциальности), цитатив (пересказ чужой реплики). Несмотря на то, что значение косвенной эвиденциальности является, несомненно, наиболее грамматичным, оно, вероятно, должно рассматриваться как первичное у данного показателя. Такой парадокс возникает за счет того, что частица «встраивается» в уже существующую семантическую нишу, дублируя и одновременно уточняя значение полисемантического показателя эвиденциальности *-nty*. Далее на базе эвиденциальных употреблений возникают цитативные.

Схема 2. Семантическая эволюция показателя *motpu*

Fig. 2. Semantic evolution of *motpu*

*репортатив	>>	цитатив	>>
(ск. * <i>mōn</i> -			
‘сказать’ + <i>Dur</i>)			

При этом цитативы, как было показано, часто используются для того, чтобы слушающий передал вопрос или повеление, сформулированные говорящим, третьему лицу. Соответственно, это позволяет объяснить дальнейшую семантическую эволюцию показателя *totpa*: показатель оказывается ассоциирован с особой иллюкутивной силой, и далее используется при введении в текст реплик с данной иллюкутивной силой (вопросы, побуждения) вне зависимости от того, являются ли эти реплики пересказанными (цитатив) либо просто прямой речью в тексте; таким образом, *totpa* постепенно проникает в сферу квотатива, но здесь остается ограниченной особой иллюкутивной силой, ассоциация с которой была сформирована в круге цитативных употреблений:

репортатив	>>	вопросительно-	>>	вопросительно-
		побудительный		побудительный
		цитатив		квотатив

3) Показатель *myta*; с одной стороны, имеет ограниченный ареал распространения, с другой — достаточно десемантизированную функцию квотатива и отсутствие материальных самодийских параллелей и внутриселькупской этимологии. Все это может свидетельствовать о заимствовании этого показателя — ср., например, вост.-хант. *mättä* ‘мол, дескать’ (вах., аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг., сал.) [Терешкин 1981: 277]. В среднетазовском говоре селькупского этот показатель употребляется достаточно редко, имеет функции квотатива; в баишенских текстах Г. Н. Прокофьева он употребляется значительно чаще, нежели в среднетазовском, и представляет собой квотативный показатель с максимально широким функционалом, охватывая, согласно Т. Гюльдеману, представление разного рода актов познания и восприятия. В баишенском селькупском различные типы этих «когнитивных актов» фактически моделируются семантическими центрами эвиденциальной системы: это визуально воспринимаемые ситуации, ситуации, воспринимаемые на слух, и различные предположения презумптивного и инферентивного характера.

Схема 3. Семантическая эволюция показателя *myta* (баишенские тексты Г. Н. Прокофьева)

Fig. 3. Semantic evolution of *motpy* (based on Baikha texts recorded by G. N. Prokofyev)

*квотатив >> расширенный квотатив (верб. vs
(ск. << ? хант.) визуальное, сенсорное,
презумптивное и инферентивное
«восприятие» ситуации)

4) Рассмотрим, как в эту систему встраивается заимствованная из русского языка частица *mol* (судя по данным словаря [Alatalo 2004], она не встречается за пределами северного диалектного ареала селькупского языка). Она имеет следующие употребления: репортативное, квотативное и цитативное, тогда как в русском языке для *mol* характерно только цитативное значение:

- (53) О с и п. (выходит и говорит за сценой) *Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.* [Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)]
- (54) *Подите-ка, спросите у своих мужиков: как, мол, эта земля прозывается?* [И. С. Тургенев. Одиногорец Овсяников (1847)]

Как кажется, при этом для заимствованного из русского *mol* некорректно строить схему семантического развития, в которой цитатив выступал бы исходным значением, а квотатив и репортатив — производными; скорее речь идет о том, что в селькупской системе к моменту заимствования уже были сформированы соответствующие семантические ниши и новый заимствованный элемент начинает дублировать сразу несколько элементов системы: *mol* дублирует *motpa* в сфере цитатива и репортатива (перенимая также функцию вопросительно-побудительного квотатива) и *myta* — в сфере квотатива.

7. Цитатив в нганасанском

Наконец, рассмотрим выражение цитативных значений в нганасанском. Обращение к материалу этого северносамодийского языка объясняется двумя причинами. Во-первых, цитативное значение из всех северносамодийских языков выражается только в нганасанском. Во-вторых, как показано в [Урманчиева 2019], нганасанский и северные селькупские говоры могли в определенный момент своей истории оказаться в ситуации взаимодействия, объясняющего ряд нетривиальных схождений в наборе эвиденциальных форм и их дискурсивном употреблении.

В нганасанском представлены две формы, восходящие к репортативу, но имеющие цитативные употребления: они используются при передаче чужих реплик либо реплик, сформулированных говорящим для того, чтобы слушающий передал их третьему лицу.

Первая форма — вопросительный ренарратив. «Особая ренарративная форма с суффиксом *-ha* употребляется только в вопросах в двух типах случаев: если говорящий задает вопрос не от себя, но по поручению другого человека (т. е. “пересказывается” иллюквативная сила высказывания) или если говорящий предполагает, что собеседник сам знает ответ с чужих слов» [Гусев 2007: 438]. И далее: «В следующем примере вопросительную форму ренарратива употребляет не тот, кто спрашивает, а тот, кто посылает другого спросить (в данном случае мать посылает сына):

- (55) *Konj-[?]   ñenamaðu-[?]   d'a,   təl'ibti-ñəŋ,*
 пойти-IMP   сосед-GENPL   к   спросить-IMP.2SG.OP
ŋəmsu-ðuŋ   təj-h"ə?
 мясо-3PL   иметься-RENARRINTERR

‘Иди к соседям, спроси, есть ли у них мясо?’» [Гусев 2007: 438].

Вторая форма — выделенный В. Ю. Гусевым пересказывательный императив, употребляющийся для того, чтобы обозначить, что повеление принадлежит не говорящему, а некоторому третьему лицу:

- (56) «[Исследователь просит информанта говорить не по-нганасански, а по-русски. Присутствующая при этом женщина повторяет его слова по-нганасански]:

L'uešídə d'ebtaða-tə-baŋhu-rə! *Šitəbj-rə*
 по.русски рассказывать-FUT-RENARR-2SGO сказка-2SG

d'ebtaða-tə-baŋhu-ŋ.
 рассказывать-FUT-RENARR-2SG

‘По-русски, [он просит], её рассказывай! [Он говорит], историю свою расскажи’» [Гусев 2007: 437].

Как показывают нганасанские тексты, представленная в (56) форма возможна не только в императивных контекстах. Морфологически это синтетическая форма, содержащая показатель будущего времени и эвиденциальный показатель репортатива. Она конкурирует с аналитической формой будущего времени репортатива, состоящей из формы будущего времени на $-^2SUT\Theta$ и неизменяемой частицы *ibahu*, представляющей застывшую форму репортатива бытийного глагола. Пример ниже иллюстрирует семантическое распределение между новой аналитической формой футурального репортатива ($-^2SUT\Theta$ *ibahu*) и более старой синтетической формой футурального репортатива ($-NT\Theta$ -*HUAMBU*) в неимперативных контекстах. Можно видеть, что аналитическая форма имеет эвиденциальное значение репортатива, ср. первую фразу приведенного ниже фрагмента, где говорящий обращается к старику, начиная разговор с того, что он узнал с чужих слов, что их город скоро будто бы съедят (Оу, старик, есть у меня разговор. Наш город весь скоро **съедят, говорят**). Далее в подтверждение своих слов он цитирует присланное в город письмо с угрозами, и при цитировании переходит к синтетической футуральной форме (Такое письмо бросил в контору: «Мы все **умрем**, весь город **погибнет**. Всех нас **съест**»). Далее он опять переходит к аналитической форме, и это уже не цитирование (что видно по тому, что говорящий сам дополняет отсутствующую информацию, строя различные гипотезы), а сообщение известной с чужих слов информации, то есть возвращение от цитации к репортативу (Не знаю, кто, людоед или кто **придет, говорят**):

(57) *Оу, тәти тах. бәйку, мәнә буәзу-мә тәи-чу-Ф.*
 EXCL NES старик я разговор-1 иметься-PRAES-S3

Тах. мың әмты кору-му?[?] бәньдикаа һәмлу-[?]сютү-зә
 NES мы этот город-1PL весь съесть-FUT-O3

ибаху. Хозүрә хозүртү-сюә һануә
 REP писать-PTPRAES писать-PTPRAET простой

контүәрә-ндә сохә-бата-зә. Бәнсаму?[?]
 контора-LAT бросить-INFER-O3 весь-1PL

куәсу-тә-баху-му?[?] әмты городә бәнсә бәньдикаа
 умереть-FUT-REP-S1PL этот город весь весь

куә-тә-баху-Ф. Бәньдикаа һәмлу-тә-бахә-ндә?[?]
 умереть-FUT-REP-S3 весь съесть-FUT-REP-OPL3

Тб. мааче и-хүтә-Ф, сы-лиә-зә маа
 NES что быть-VACOND-3 кто-LIM-3 что

и-хүтүу, тәрәди сиги?[?] мәбта тәрәди
 быть-VACOND-2 такой людоед ? такой

туй-сюзә-Ф ибаху.
 прийти-FUT-S3 REP

‘Оу, старик, есть у меня разговор. Наш город весь скоро **съедят, говорят**. Такое письмо бросил в контору: «Мы все **умрем**, весь город **погибнет**. Всех нас **съест**» Не знаю, кто, людоед или кто **придет, говорят**’.

Таким образом, в нганасанском мы наблюдаем развитие специальных форм с собственно цитативным значением, «отмежевавшихся» от репортативной парадигмы; причем эти формы появляются в клетках парадигмы, семантически наиболее близких контекстам, в которых цитативные формы появляются в селькупском: это вопросительные либо императивные формы (для передачи реплики третьему лицу), а также футуральные формы, непосредственно смыкающиеся с «инструктивными» контекстами.

8. Грамматическое заимствование и типология взаимодействия языков

Приведенные в статье данные позволяют выделить несколько случаев материального и структурного заимствования. Рассмотрим их по порядку, отмечая возможные корреляции между семантическими эффектами при заимствовании языковых элементов и различными социолингвистическими характеристиками контактных ситуаций.

а) Хантыйско-селькупские контакты

Как уже говорилось выше, вероятным источником появления в северных селькупских говорах частицы *myta* является заимствование из хантыйского кватативной частицы *mättä*. Ниже приводятся примеры ее употребления из восточнохантыйских (ваховских) текстов, записанных Н. И. Терешкиным:

- (58) *nəʎali äntä qoj-wäl äŋki-l-nä män-tä-mi:*
мальчик NEG хотеть-NPAST3SG мать-3-LAT идти-INF-PTCL

jöy-ä, mättä, utə
прийти-SIMP2 мол от.воды

‘Мальчик не хочет идти: иди, мол, [сама] на берег’. [Терешкин 1961: 117 // T13, предл. 35]

- (59) *älwä ləy-ä t'yu köl at-wäl: «mäy*
PN он-ДАТ такой слово говорить-NPAST.3SG сюда

läyä, — mättä, — mä тамынт сэрн'аң₁ вэү₂
смотреть-SIMP2 мол я такой золото_{1,2}

n'al käs-c-äm.
дробина найти-ПРАЕТ-О1

‘Альва ему говорит так: «Посмотри сюда, — говорит, — я вот какую золотую дробину нашел»’. [Терешкин 1961: 114 // T11, предл. 18–19]

- (60) *т'уко вал-Ф-үән, әйләнә нүт'кәли әтәм уләм*
 так жить-NPAST-S3DU однажды птичка плохой сон
вэр-Ф-әүән пәни әлән нуқ кўл-ми-л-нә
 сделать-PRAET-S3 и утром вверх встать-PTPRAET-3-LOC
лөңр-ә т'у улмәл эр-үәл-тә: «нөң, **мәттә**,
 мышка-DAT тот сон-3 рассказать-PRAET-O3 ты мол
мән-т мунт јөүән јоуым-үас-ын.
 я-ACC прошлый ночь ударить-PRAET-O2

‘Прожили некоторое время, однажды птичке дурной сон приснился, и когда она утром проснулась, мышке этот сон рассказала: «Ты, говорит, меня давеча ночью ударила»’. [Терешкин 1961: 111 // T10, предл. 3]

- (61) «*пәүа, муңка нөң-ә көч ат-қас-әм, нөң муңка*
 сынок давеча ты-DAT едва сказать-PRAET-O1 ты давеча
*мән-ә т'уты јыу-Ф-ән, **мәттә** қојы нөң-ә-ти*
 я-DAT так ответить-PRAET-S2 мол кто ты-DAT-PTCL
пун-әң қуј лөк сәвәл турқә-вал?»
 перо-AGTR глухарь горло шея перерезать-NPAST.S3SG

‘Сынок, давеча я было говорил тебе, а ты давеча мне так ответил: мол, кто тебе на шею мохнатого глухаря горло перережет?’ [Терешкин 1961: 122 // T16, предл. 16]

Итак, в ситуации хантыйско-селькупских контактов хантыйский был языком-донором, а селькупский — языком-реципиентом. Эти контакты (за вычетом ассимиляции части селькупов на р. Вах) не привели к утрате селькупами, ушедшими с Ваха на север, в район Таза и Турухана, своего языка и к процессам аттриции в языковой системе данных селькупских говоров. Можно предполагать, что при этом катализатором заимствования из хантыйского в селькупский послужило то, что селькупским диалектам в целом не чуждо выражение квотативного значения, ср. пример (31) в сноске 8, иллюстрирующий квотативный показатель кетского диалекта селькупского языка. При этом крайне интересной является интеграция квотативного показателя в грамматическую систему баишенского говора, которая представлена текстами Г. Н. Прокофьева. В этом говоре квотативный

показатель (который, напомним, не только оформляет прямую речь, но и в расширенном употреблении передает внутреннюю речь, отражающую восприятие персонажем той или иной ситуации) дублирует употребления собственно селькупских эвиденциальных форм. В результате складывается такая система, где квотативный показатель оформляет речевые акты либо акты восприятия, а тип восприятия (или, что то же самое, тип доступа к информации о ситуации) при этом задается эвиденциальными формами. Тем самым, в такой контактной ситуации, которая не угрожает витальности языка-реципиента, происходит интеграция заимствованного элемента в собственную грамматическую систему с приобретением им таких употреблений, которые не были характерны для него в языке-доноре.

б) Контакты селькупского и русского

Из русского языка в селькупский был заимствована частица *mol*. Как кажется, катализатором заимствования тут тоже послужило наличие в системе функционально близкого элемента *totpa*: можно предполагать, что *mol*, в соответствии с одной из стратегий грамматикализации, заимствуется для обновления фонетического материала, маркирующего уже представленное в языке (квази)грамматическое значение. В результате, как уже говорилось, *mol* приобретает те значения (квотатива и репортатива), которые не характерны для соответствующей русской частицы, имеющей только цитативные употребления, но характерны для селькупской частицы *totpa*. При этом мы наблюдаем конкуренцию частиц *mol* и *totpa* в среднетазовском и, вероятно, полное вытеснение частицей *mol* частицы *totpa* в верхнетазовском говоре. Можно думать, что этот функциональный изоморфизм *mol* и *totpa* постепенно разрушался с нарастанием доминирования русского языка над селькупским и «расшатывание» системы частиц в среднетазовском приводит к тому, что *mol* распространяется и на некоторые контексты частицы *myta*, сохраняющей только редкие реликтовые употребления (в основном в «застывших» оборотах после местоименного субъекта).

в) Контакты нганасанского и селькупского

В ситуации возможных нганасанско-селькупских контактов селькупский выступает языком-донором, обеспечивая структурное и материальное заимствование в нганасанский. Судя по всему, для нганасанского исходно была свойственна характерная для двух других северносамодийских, ненецкого и энецкого, система с полисемичным эвиденциальным показателем, совмещающим значение инферентива и репортатива. В. Ю. Гусев так описывает развитие нганасанской эвиденциальной системы, указывая на возможные материальные селькупские параллели нганасанских форм:

«В нганасанском языке есть три эвиденциальных показателя, имеющих общий элемент $-h^ua$: это инференциалис $-h^uatu$ (со значением ‘по-видимому, P’), утвердительный ренарратив $-h^uanhu$ (‘говорят, P’) и вопросительный ренарратив $-h^ua$ (‘меня послали спросить, верно ли P’ либо ‘верно ли, что, как говорят, P?’). Как видно, вопросительная форма ренарратива оказывается морфологически более простой, чем утвердительная форма. В другой работе [Гусев 2006] мы предположили, что именно $-h^ua$ (ПС $*-pe$, энецкое $-bi$) и было исходным суффиксом эвиденциальных форм, который в большинстве контекстов был вытеснен расширенными вариантами $-h^uanhu$ и $-h^uatu$ и остался только в вопросительных употреблениях. Однако происхождение элементов $-nhi$ и $-tu$ оставалось неизвестным, хотя их праформы восстанавливаются достаточно однозначно: как $*-tra$ и $*-ta$ соответственно.

Приходится признать, что частично ответ уже тогда лежал на поверхности и просто не был нами замечен. В словаре ко II тому “Очерков по селькупскому языку” (с. 131) приводится частица *totpa* ‘говорят, слышать’ — этимологически повествовательное прошедшее время на $-tra$ ¹⁰ от основы *ton-* ‘говорить’,

¹⁰ Либо — форма дуратива [ОчСЯ: 220].

утраченной в самостоятельном употреблении в тазовском диалекте, но хорошо известной в других самодийских языках и в диалектах селькупского (см. [Alatalo 2004: 781]). В селькупском языке эта частица может употребляться с латентивом — наклонением, выражающим, в частности, эвиденциальные значения, ср. [ОчСЯ I: 248]:

- (14) *Apa-tu tompa q̄īty-nty-∅*
отец-1SG говорят болен-LATENT-S3
'Мой отец, говорят, болен'.

Таким образом, и в нганасанском языке эта частица могла употребляться с эвиденциальными формами на **-pe*. Поэтому вполне вероятно и семантически, и фонетически возведение суффикса *-ŋhu* к сочетанию *-h^ua* (старонган. **-fa*) с частицей **tompa* > старонган. **tumfu* со стяжением **-fa tumfu* > **-famfu* > совр. нган. *-h^uaŋhu*. Это стяжение должно было произойти сначала в 3 лице ед. ч. субъектного спряжения, в котором окончание нулевое. После того, как комплекс *-h^uaŋhu* начал осознаваться как единый суффикс, личные окончания в других лицах и числах стали присоединяться не после *-h^ua*, а после *-ŋhu*. Также вторая часть нового суффикса втянулась в общую систему сингармонизма и чередования ступеней согласных.

Менее очевидно происхождение элемента *-tu* в суффиксе инференциалиса *-h^uatu*, однако предположительно можно указать на селькупские же частицы *m̄īta* 'будто' [ОчСЯ: 134], 'да, вроде так (частица подтверждения)' [ССС] либо *mitī* 'вроде, будто; как, словно' [ОчСЯ: 130; СССР]. Вторая, *mitī*, возможно, лучше подходит по значению для показателя инференциальности, однако пока неизвестна их этимология и более ранний фонетический облик (в частности — к какому гласному восходит конечное *-i* в *mitī*), трудно сказать что-то более определенное» [Гусев 2013: 71–72].

Как кажется, проведенный в настоящей работе анализ употреблений селькупских частиц позволяет подкрепить предположение

В. Ю. Гусева о том, что современная инферентивная форма образована стяжением «старого» инферентива с частицей *myta* (ср. селькупские примеры (14) и (16), где комбинация частиц *monty myta* употребляется в контекстах визуального доступа в сочетании с инферентивом, а также примеры (25)–(28), иллюстрирующие возможность самостоятельного употребления *myta* в контекстах визуального доступа). Таким образом, в нганасанском одновременно произошла реструктуризация эвиденциальной системы, сделавшая ее в большей степени изоморфной селькупской, и произошло заимствование материальных элементов для «разведения» грамматических значений репортатива и инферентива, которые до того получали в нганасанском единое материальное оформление.

При этом, как было показано, показатели *tompa* и *myta* в селькупском являются полисемичными, однако в нганасанский каждый из них заимствуется в единственной функции. В результате этого заимствования реструктурируется эвиденциальная система нганасанского языка и материально обновляются его эвиденциальные показатели.

При этом нганасанский и селькупский демонстрируют еще один случай структурных схождений — возможность развития у репортативного показателя цитативных значений.

Итак, мы наблюдаем три сценария языкового взаимодействия:

Сценарий А. В ситуации селькупско-хантыйских контактов (контактная ситуация не угрожает витальности селькупского, и контакт прерван за счет миграции северной группы селькупов) происходит заимствование элемента в потенциально уже существующую нишу с дальнейшим развитием его значения за счет втягивания его в существующую эвиденциальную систему.

Сценарий Б. В ситуации селькупско-русских контактов происходит заимствование русской частицы *mol* для «обновления» маркера представленного в селькупском квазиграмматического значения; при этом у заимствованного элемента развиваются значения, несвойственные ему изначально в языке-доноре, но представленные у той селькупской единицы, которую заменяет заимствованное *mol* (*mol* «наследует» за *tompa* не свойственные для русского эвиденциальные

употребления; это заимствование, вероятно, происходит в тот период, когда контактная ситуация не угрожала витальности селькупского) с дальнейшей «необоснованной» экспансией элемента за счет расшатывания исконной системы частиц в ситуации постепенной языковой аттриции (в ситуации возрастающего давления русского на селькупский язык и стремительного сокращения сферы использования селькупского).

Сценарий В. В ситуации селькупско-нганасанских контактов происходит интерференция языковых систем двух контактирующих идиомов, в результате чего эвиденциальные системы селькупского и нганасанского оказываются в значительной степени изоморфны друг другу (можно предполагать, что в нганасанском эвиденциальная система была реструктурирована по селькупскому образцу, с разделением инферентивного и репортативного значений). По предположению В. Ю. Гусева, нганасанский заимствует из селькупского элементы *tompa* и *myta*; как было показано, в селькупском эти элементы являются полисемичными, при этом в селькупском они не являются эвиденциальными показателями, но часто сопровождают употребление эвиденциальных форм; в нганасанском оба этих элемента были встроены в эвиденциальную систему для реструктуризации последней по селькупскому образцу. Помимо этого, в нганасанском и северных селькупских идиомах возникают также цитативные формы (не свойственные ни другим северносамодийским языкам, ни другим селькупским идиомам. Таким образом, в данной контактной ситуации имеет место интерференция с материальным и структурным заимствованием из селькупского в нганасанский в сфере эвиденциальных форм и параллельное развитие цитативных значений на базе репортативных в северном селькупском и нганасанском.

Таким образом, сценарий А (селькупско-хантыйские контакты) предполагает единичное заимствование элемента и встраивание его в «живую» грамматическую систему (контакт не угрожает витальности селькупского идиома, контакт прерван за счет миграции селькупов далее на север), сценарий Б (селькупско-русские контакты) на первом этапе идентичен сценарию А (происходит единичное

заимствование элемента и встраивание его в «живую» грамматическую систему), но в дальнейшем этот сценарий «осложнен» языковой аттрицией (это означает, что на первом этапе контакт с русским не угрожал витальности селькупского идиома, но в дальнейшем давление со стороны русского постепенно нарастало), сценарий В (нганасанско-селькупские контакты) единственный предполагает не единичное заимствование элемента, а интерференцию (сближение) двух грамматических систем (ситуация контакта при этом предполагает сохранение витальности обоих идиомов — вероятно, при этом следует предполагать более интенсивный контакт, чем в случае А, хотя история этого региона не позволяет считать этот контакт достаточно длительным).

Таким образом, можно предполагать некоторые корреляции социолингвистических параметров контактной ситуации и механизмов и результатов контактно обусловленных языковых изменений.

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — показатель адвербиальной формы; AOR — аорист; ATTR — показатель атрибутивной формы; AUD — аудитив; COLL — собирательная форма; COMIT — комитатив; COND — кондиционал; CONJ — конъюнктив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DIM — диминутив; DUR — дуратив; EXCL — восклицание; FUT — будущее время; GEN — генитив; HES — показатель гезитации; HORT — хортатив; ILL — иллатив; IMP — императив; INDEF — показатель неопределенности у местоимений; INF — инфинитив; INFER — инферентив; INSTR — инструменталис; IRFV — имперфектив; LAT — латив; LATENT — латентив; LIM — лимитатив; LOC — локатив; MOMPA — частица *mompa*; MONTY — частица *monty*; MYTA — частица *myta*; NEG — отрицательная частица; NMLZ — номинилизация; o — объектное спряжение; NPAST — настоящее-будущее время; OPT — оптитив; PL — множественное число; PN — имя собственное; PRAET — прошедшее время; PRON — прохитив; PROL — пролатив; PROSP — проспектив; PTCL — частица; PTPRAES — причастие настоящего времени; REP — репортатив; s — субъектное спряжение; TRANSL — транслатив; VACOND — условное деепричастие; ск. — селькупский; хант. — хантыйский.

Литература

- Гусев 2007 — В. Ю. Гусев. Эвиденциальность в нганасанском языке // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 415–444.
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Селькупско-нганасанские параллели в области глагольной морфологии // А. Е. Кибрик (ред.). Лингвистический беспредел — 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 69–75.
- Казакевич 2005 — О. А. Казакевич. Изменение структуры языка с ограниченной сферой употребления // А. Е. Кибрик (ред.). Малые языки и традиции. Существование на грани. Вып. 1: Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство, 2005. С. 122–134.
- Казакевич, Будянская 2010 — О. А. Казакевич, Е. М. Будянская. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Баско, 2010.
- ОчСЯ 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- ОчСЯ 1993 — А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Прокофьев, рук. — Г. Н. Прокофьев. Подготавливаемые к печати О. А. Казакевич тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым, которые хранятся в Архиве МАЭ РАН, фонд 6, опись 1. (рук.).
- ССС — Е. А. Хелимский. Северноселькупский словарь (рук.).
- Терешкин 1961 — Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1: Ваховский диалект. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Терешкин 1981 — Н. И. Терешкин. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981.
- Тучкова, Вагнер-Надь 2015 — Н. А. Тучкова, Б. Вагнер-Надь. «Семи богов мудростью обладающий Итте...». Тексты с героем Итя в селькупском фольклоре. Томск: Изд-во ТГПУ, 2015.
- Урманчиева 2015 — А. Ю. Урманчиева. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей (на примере эвиденциальной системы тазовского селькупского) // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 52–75.
- Урманчиева 2019 — А. Ю. Урманчиева. Нарративные стратегии как свидетельство возможного контакта: тазовский селькупский и нганасанский. Вопросы языкознания. 2019. № 3. С. 84–100.

- Хелимский 1984 — Е. А. Хелимский. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Цит. по Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 80–81.
- Хелимский 1985 — Е. А. Хелимский. К исторической диалектологии селькупского языка // Цит. по Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 68–79.
- Alatalo 2004 — J. Alatalo. *Sölkupisches Wörterbuch. Aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Société Finno-Ougrienne (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX)*. Helsinki: Suomaais-Ugrilainen Seura, 2004.
- Alatalo, Ms — J. Alatalo. The morphophonemes of the Selkup language (under preparation).
- Güldemann 2012 — T. Güldemann. Thetic speaker-instantiating quotative indexes as a cross-linguistic type // I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.). *Quotatives. Cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives*. Amsterdam: Benjamins, 2012. P. 117–142.
- Janurik 1978 — T. Janurik. A szölkup nyelvjárások osztályozása // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1978. № 80. O. 77–104.
- Katz 1979 — H. Katz. *Selkupische Quellen*. (Studia Uralica 2). Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1979.

References

- Alatalo 2004 — J. Alatalo. *Sölkupisches Wörterbuch. Aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Suomaais-Ugrilainen Seura, 2004.
- Alatalo, Ms — J. Alatalo. The morphophonemes of the Selkup language (under preparation).
- Güldemann 2012 — T. Güldemann. Thetic speaker-instantiating quotative indexes as a cross-linguistic type. I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.). *Quotatives. Cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives*. Amsterdam: Benjamins, 2012. P. 117–142.
- Gusev 2007 — V. Yu. Gusev. Evidentsialnost v nganasanskom yazyke [Evidentiality in Nganasan]. V. S. Khrakovskiy (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati Natalii Andreevny Kozintsevoy* [Evidentiality in the languages of Europa and Azia. In the memory of Natalia Andreevna Kozintseva]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 415–444.
- Gusev 2013 — V. Yu. Gusev. Selkupsko-nganasanskie paralleli v oblasti glagolnoy morfologii [Selkup-Nganasan parallels in the domain of verbal morphology].

- A. E. Kibrik (ed.). *Lingvisticheskiy bespredel* — 2. *Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu A. I. Kuznetsovoy* [Linguistic chaos — 2. Collection of papers dedicated to the anniversary of A. I. Kuznetsova]. Moscow: Moscow University Publishing House, 2013. P. 69–75.
- Helimski 1984 — E. A. Helimski. Kriterii klassifikatsii dialektov selkupskogo yazyka [Selkup dialects classification criteria]. Quoted from E. A. Helimski. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stati* [Comparative studies, uralistics. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 80–81.
- Helimski 1985 — E. A. Helimski. K istoricheskoy dialektologii selkupskogo yazyka [To the historical dialectology of the Selkup language]. Quoted from E. A. Helimski. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stati* [Comparative studies, uralistics. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 68–79.
- Janurik 1978 — T. Janurik. A szölkup nyelvjárások osztályozása. *Nyelvtudományi Közlemények*. 1978. No. 80. O. 77–104.
- Katz 1979 — H. Katz. *Selkupische Quellen*. (Studia Uralica 2). Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1979.
- Kazakevich 2005 — O. A. Kazakevich. Izmenenie struktury yazyka s ogranichenoy sferoy upotrebleniya [The evolution of the structure of a language with a restricted sphere of use]. A. E. Kibrik (ed.). *Malye yazyki i traditsii. Sushchestvovanie na grani* [Minor languages and traditions. Existence on the verge]. Iss. 1: *Lingvisticheskie problemy sokhraneniya i dokumentatsii malykh yazykov* [Linguistic problems of maintenance and documentation of minor languages]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2005. P. 122–134.
- Kazakevich, Budyanskaya 2010 — O. A. Kazakevich, E. M. Budyanskaya. *Dialektologicheskii slovar selkupskogo yazyka (severnoe narechie)* [Dialectological dictionary of Selkup (Northern idioms)]. Yekaterinburg: Basko, 2010.
- OchSYa 1980 — A. I. Kuznetsova, Ye. A. Khelimskiy, Ye. V. Grushkina. *Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [An outline of Selkup language. Taz dialect]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University Press, 1980.
- OchSYa 1993 — A. I. Kuznetsova, O. A. Kazakevich, L. Yu. Ioffe, Ye. A. Khelimskiy. *Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [An outline of Selkup language. Taz dialect]. Vol. 2. Moscow: Moscow State University Press, 1993.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011.
- Prokofyev ruk. — Selkup texts collected by G. N. Prokofyev from the archive of MAE RAS (fund 6, inventory 1), processed by O. A. Kazakevich. (Ms.)

- SSS — E. A. Helimski. North Selkup dictionary (Ms).
- Tereshkin 1961 — N. I. Tereshkin. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka* [An outline of Khanty dialects]. Pt. 1: *Vakhovskiy dialekt* [Vakh dialect]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961.
- Tereshkin 1981 — N. I. Tereshkin. *Slovar vostochnokhantyyskikh dialektov* [A dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad: Nauka, 1981.
- Tuchkova, Wagner-Nagy 2015 — N. A. Tuchkova, B. Wagner-Nagy. «*Semi bogov mudrostyu obladayushchiy Itte...*». *Teksty s geroem Itya v selkupskom folklore* [«It'a, wise as seven Gods». It'a-texts in the Selkup folklore]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Press, 2015.
- Urmanchieva 2015 — A. Yu. Urmanchieva. *Kak grammaticheskaya sistema upravlyayet semanticheskoy evolyutsiei pokazateley (na primere evidentsialnoy sistemy tazovskogo selkupskogo)* [How much impact can grammatical system have on the semantic evolution of grams (a case study on the Tas Selkup system of evidential markers)]. *Voprosy yazykoznanija*. 2015. No. 6. P. 52–75.
- Urmanchieva 2019 — A. Yu. Urmanchieva. *Narrativnye strategii kak svidel'stvo vozmozhnogo kontakta: tazovskiy selkupskiy i nganasanskiy* [Narrative strategies as an evidence for language contact: Case study of Taz Selkup and Nganasan]. *Voprosy yazykoznanija*. 2019. No. 3. P. 84–100.